

ЛАГУНОВ Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета. Автор 150 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий (г. Ставрополь)*

ЧЕТВЕРТАЯ РОССИЙСКАЯ «ОПРИЧНИНА»: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье анализируются три периода ускоренной модернизации всех сторон отечественной социальной жизни (опричнина Иоанна Грозного, реформирование Петра I и строительство социалистического общества). Отмечается сходство указанных периодов в том, что они способствовали устранению тормозящей социальное развитие политико-экономической стратегии властных элит, основанной на удовлетворении собственных запросов и фундирующейся традицией боярского «кормления», трансформировавшейся позже во всеохватный феномен коррупции. Кроме того, эти три «опричнины» разрушали прежние идеологические основания, способствуя ослаблению исторически укоренившегося православного мировоззрения. Причем первые две, не изменяя в целом православной идеологии, все же подготавливали общественное сознание к его переориентировке в квазирелигиозное русло. Последовавшие в советский период открытые гонения на православную идеологию и прогрессирующие в мире секуляризационные процессы настолько изменили российское общественное сознание, что в наши дни стало проблематичным говорить о возможности построения единой государственной идеологии – скорее, необходим идеологический диалог по поводу общих нравственных и культурных ценностей. По мысли автора, сегодня Россия снова переживает «опричнину», уже четвертую: она становится «опричь» всему миру, идет вразрез с процветающими в нем мировоззрениями, определяющим для которых является потребительское отношение к миру, опирающееся на мысль о вседозволенности господствующего над природой человеческого разума. Поэтому новая «опричнина» в отличие от имевших место ранее, преимущественно управленческих, по своему существу становится мировоззренческой, и ее вселенский масштаб не соотносим с прежним, внутрисоссийским.

Ключевые слова: *историософия, опричнина, секуляризация, симфония властей, православие, квазирелигии.*

---

*Адрес: 356240, Ставропольский край, г. Михайловск, ул. Гагарина, д. 400; e-mail: emailag@mail.ru

Для цитирования: Лагунов А.А. Четвертая российская «опричнина»: мировоззренческое противостояние // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 150–158. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.150

*...идея нации есть не то, что она сама думает
о себе во времени, но то, что Бог думает о ней
в вечности*

В.С. Соловьев
Русская идея

Актуальность статьи обуславливается тем, что в современном мире снова возрастает идеологическая напряженность, источником которой являются мировоззренческие противоречия. Для уяснения сущности этих процессов необходимо обращение к историческому контексту, поиск в нем периодов, аналогичных настоящему, причем в качестве общей характеристики таких периодов может предполагаться ускоренная модернизация всех сторон общественной жизни, в результате которой изменяется статус российского государства в мире, что вызывает конкуренцию с другими государствами, в т. ч. и мировоззренческую.

Исходным образцом такой модернизации выбраны реформы Иоанна Грозного, где доминирующей идеей выступала идея опричнины. В отличие от исследований, в которых сравниваются политические, экономические, культурные стороны указанных реформ с модернизационными процессами других исторических периодов российской истории, мы акцентируем внимание на религиозно-мировоззренческом аспекте событий прошлого и настоящего. Основной целью статьи является постановка философско-исторической проблемы, требующей своего решения в рамках междисциплинарных исследований. Научная новизна публикации состоит в том, что в ней, во-первых, представлена общая религиозно-мировоззренческая формула российских «опричнин» и, во-вторых, обосновано отличие новой «опричнины», как прежде всего мировоззренческой, от прежних, преимущественно управленческих. Получению результатов способствовало привлечение системного, персоналистического и историософского подходов к изучению социальной реальности.

Социально-политические, экономические, культурные процессы в Руси/России зачастую приобретали черты «догоняющего развития»,

поэтому периодически совершались «рывки», целью которых было приближение как условий общественной жизни, так и народного сознания к западным образцам. Можно выделить три наиболее глобальных периода такого ускоренного развития: правление Иоанна Грозного, апогеем которого стала опричнина, реформы Петра Великого и постреволюционные преобразования России в XX веке. Между ними, несмотря на множество обуславливаемых историческим временем различий, отмечается явное сходство: они способствовали преодолению постоянного рассогласования в российской действительности интенций общественного сознания («духа народа») и политической стратегии власть имущих. Идеалы христианства, которыми жил русский народ, не укладывались в реалии действительных экономики и политики, основанных на вотчинно-олигархическом принципе, вследствие чего в критические моменты истории возникала потребность в «опричнине», или способствующем лучшей организации народной потенции выведении деятельных сил общества за рамки сложившихся политико-экономических отношений. По сути, в эти периоды пересоздавалась общая идеология, мобилизующая народные силы, в т. ч. и посредством рекрутирования по-новому интерпретированных христианских смыслов справедливости, равенства возможностей, достойной и целеустремленной жизни.

Первая опричнина проводилась Иоанном Грозным в жестких социально-исторических условиях. После христианизации и объединения восточно-славянских народов русское государство пережило нелегкий период феодальной раздробленности, агрессивного восточного влияния и постоянно возобновляемого вооруженного натиска Запада. Возрождению и сохранению государственности в таких условиях способствовало «собрание» русских земель вокруг Москвы, сопровождавшееся установлением жесткого принципа «вертикали власти». Становилось понятным, что идеал «симфонии властей», в соответствии с которым духовная (церковная) и светская иерархии не зависят

друг от друга и при этом взаимодействуют, должен быть оставлен в прошлом. Способствовала такому выводу и секуляризационная волна, пришедшая в Россию из католическо-протестантской Европы.

Осложняли проведение централизации власти вотчинная форма управления обширными землями, боярское «самоправство» и коррупция, поэтому идея опричнины первоначально имела достаточно прогрессивный характер. Г.П. Федотов характеризовал опричнину Иоанна Грозного как «целую социальную революцию», проводимую верховной властью. «Ясно, что политический смысл опричнины, – писал он, – сводится к созданию нового управления и нового служилого класса, чуждых старым земским традициям, независимых от влияния боярства. Царь чувствует себя бессильным пересоздать старый порядок путем реформ или смены личного состава правящего класса. Он строит новую параллельную государственную организацию на новом месте, из новых людей» [1, с. 70]. Большие массы «служилых людей» перемещались им из центра государства на окраины и наоборот, что по замыслу должно было разорвать сложившиеся в народе общественные связи, мешавшие централизационным процессам.

Методы при этом применялись самые жестокие: удельные помещики, часто обрекаемые на нищенское существование, изгонялись из своих семейных гнезд без всякого движимого имущества, что приводило к разорению как крепких прежде боярско-дворянских хозяйств, так и прикрепленного к ним крестьянства. Зато вместо прежнего боярства и дворянства в государственных политических и экономических структурах прочно утверждались люди из самых низов русского общества, далеко не всегда работавшие на его благо: хотя «социальные лифты» и действовали, но часто не с эффективным результатом. Поэтому основная цель, преследуемая в начале опричнины, – установление прочной централизованной государственности – достигнута не была, и крепость русского царства поддерживалась установившимся режимом повсеместного террора. Несмотря на то,

что русские земли продолжали прирастать территориями, а видимый блеск и всемогущество царской власти ослепляли многих, Смутное время было уже исторически предопределено.

Вторая «опричнина» была предпринята Петром Великим, по сути, использовавшим стратегию Иоанна Грозного, направленную на создание нового управления, нового «служилого класса», на преодоление косных традиций насквозь коррумпированной боярской вотчины. Поднятая Петром I «на дыбы» Россия сумела выйти на проторенный европейцами путь социокультурного развития. Сформированные им «потешные» полки, переросшие в гвардейские, армия нового типа, созданная практически на пустом месте промышленность, реформы, проведенные во всех сферах социальной жизни, позволили не только «прорубить окно в Европу», но и занять в ней достойное место в качестве самостоятельной и грозной Российской империи. Жертвы, принесенные для этого русским народом, по-видимому, никто не в силах подсчитать, но были они колоссальными.

И, наконец, третью российскую «опричнину» проводили уже большевики. Снова главной задачей становились радикальное изменение системы управления, рекрутирование для этого новых людей, не несущих в себе существенные изъяны прежних властных элит. Неверно полагать, что большевики были чуждой для русского народа силой, лишь воспользовавшейся социально-исторической ситуацией для захвата власти. А.Ю. Кожевников в связи с этим отмечает: «...большевизм, победивший в Петрограде, Москве и ряде центральных губерний страны, находясь во враждебном кольце интервентов и контрреволюции, объективно становился единственной политической силой, способной отстоять государственный суверенитет России. Пролетариат первой Республики Советов обрел свое Отечество, которое нуждалось в защите» [2, с. 362].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение множества исторических фактов, связанных с тремя вышеуказанными «опричниками» российской истории, заметим, что однозначной их трактовки

никогда не было и, скорее всего, быть не может. Эти «опричнины» нельзя окончательно оправдать, как нельзя и бесповоротно осудить. С одной стороны, они принесли с собой неисчислимые народные бедствия, последующие междоусобные войны (Смутное время, «дворцовые перевороты», Гражданская война), с другой – привели к несомненному росту государственной мощи, к существенной модернизации экономической, политической и культурной жизни российского народа.

Попробуем сравнить только религиозные последствия трех «опричнин». При этом будем понимать религию как веру, получившую социальную определенность, а также учитывать, что религии могут быть не только традиционными или нетрадиционными, но и в некоторых своих аспектах идентичными им секулярными мировоззрениями (квазирелигиями). Всякая религия одной своей стороной «обращена к вероисповеданию, к его сохранению и раскрытию в человеческом сознании догматических истин, другой – к осуществлению исповедуемого, к деятельности, опосредуемой идеологическими представлениями» [3, с. 33], и в таком смысле идеология есть непрменная функциональная сторона всякой религии (квазирелигии) (обоснование такого понимания религии и идеологии представлено в нашей работе: [4]).

В самом общем виде результаты проведенных общественных модернизаций в религиозно-мировоззренческом аспекте можно выразить в следующей формуле: «от традиционного православия – к новой квазирелигии» (а значит, и к новому вероисповеданию, и к новой идеологии). Причем первые две «опричнины», не изменяя в целом православной идеологии, тем не менее подготавливали общественное сознание к его квазирелигиозной переориентировке. Вместе с тормозящими социальное развитие боярским «кормлением» и коррупцией они разрушали и прежние мировоззренческие основания.

Так, в начале правления Иоанна Грозного митрополит Московский Филипп еще предпринимал попытки «печалования» о нуждах народа, что входило в его несомненные обязанности

в соответствии с концепцией «симфонии властей». Однако эти попытки были царем жестоко пресечены, а митрополит обречен на мученичество. Приближалась эпоха доминирования светской власти над церковной, и, несмотря на последующее установление патриаршества, на ярко выразившееся при патриархе Никоне стремление церковной иерархии закрепить за собой властные функции, это доминирование сохранялось. В петровскую эпоху законодательное подчинение церкви государству в качестве одного из его институтов окончательно утвердилось (Синодальный период). Не удивительно, что отделение церкви от государства советской властью было воспринято церковной общественностью с большим энтузиазмом, однако последующие открытые гонения на нее не оставили место надежде на скорую мобилизацию внутрицерковных сил и возврат общественных сознания и мировоззрения к христианским основаниям.

Тысячелетие крещения Руси открыло новую страницу истории Русской православной церкви, и появились основания говорить о реальном религиозном возрождении. Однако произошли ли при этом действительные сдвиги в общественном сознании или же предшествующие нарастающие волны секуляризации привели к необратимым изменениям в этом сознании, ознаменовавшим наступление постхристианской эпохи, в которой вести речь о возвращении к традиционному мировоззрению уже не имеет никакого смысла? По всей видимости, существуют серьезные поводы усомниться в возможности реанимирования в России, не говоря уже о Европе, христиански ориентированной идеологии.

Между тем М. Элиаде считал, что удивившийся в нашем мировоззрении историзм, основывающийся на утопической идее общественного прогресса (и в соответствии с которым в нашем случае все три «опричнины» предлагается рассматривать в контексте общего процесса российской модернизации), «сложился как продукт разложения христианского учения, он придает решающее значение историческому событию (что является одной

из исходных идей иудео-христианства), *но событию такому, каково оно есть*, т. е. лишая его возможности вскрыть некий сотериологический и трансисторический замысел» [5, с. 306]. История видится нам как цепь знаменательных исторических событий, совершаемых личностями или общностями и являющихся при этом некими вехами на общем пути человечества к по-разному понимаемому, но во всех случаях лучшему в сравнении с настоящим будущему (отсюда и «progressus», в переводе с латыни – «движение вперед», «изменение к лучшему»).

Христианская же историософия, по мнению М. Элиаде, в отличие от историцистской философии истории «выливается не в какую-то философию, а в теологию истории, так как вмешательство Бога в Историю, и особенно Воплощение Иисуса Христа в историческую личность, имеет трансисторическую цель: *Спасение человека*» [5, с. 306]. История, таким образом, предстает у мыслителя как «теофания», богоявленность. Действительно, в контексте христианского мировоззрения исторические события имеют определенное значение, но лишь как отклик человечества (неважно, положительный или отрицательный) на промысел Бога о мире, свободное приятие этого промысла или же отвержение его, тоже свободное. Действующими силами истории (историческими субъектами) при этом по-прежнему остаются личности или общности, свобода которых осуществляется в выборе, основанном на понимании (или непонимании) провиденциального течения событий.

Полное понимание божественного замысла в человеческой истории, конечно, затруднительно, если вообще возможно. Однако ничто и никогда не мешает человеку взглянуть поверх событийно-исторического горизонта и, обобщая уже случившиеся факты, попытаться осмыслить открывающуюся его умозрению

перспективу. В русских «опричниках» силы народа, как духовные, так и физические, тратились без меры и счета на укрепление имперской мощи. Сегодня такая трата потенциала в связи с острой демографической ситуацией уже становится бессмысленной, что заставляет нас вспомнить о «сбережении народа» (А.И. Солженицын). Тем не менее Россия снова переживает «опричнину», уже четвертую: она оказывается «опричь» всему миру, идет вразрез с мировоззрениями, которые в нем процветают и определяющим для которых является потребительское отношение к миру, основанное на мысли о вседозволенности господствующего над природой человеческого разума. Следовательно, новая «опричнина» в противовес имевшим место ранее, главным образом управленческим, по своей сути становится мировоззренческой, и ее вселенский масштаб не соотносим с прежним, внутривос-сийским.

Сила современной России в этом мировоззренческом противостоянии, ее важнейшее преимущество в нем заключаются не только в армии и флоте, но прежде всего в православной религии, сыгравшей «особую роль ... в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»¹, когда-то сплотившей русский народ и вооружившей его соответствующей идеологией, обусловившей исторические действия. Однако сегодня, в условиях секуляризованного общества, следует признать, что, хотя церковь в России и почитается, в вопросах социального обустройства государство предпочитает обходиться без декларации христианских принципов, ограничиваясь «общечеловеческими», что вполне объяснимо негативной реакцией со стороны неверующей части общества, возможными отрицательными последствиями и обвинениями (совершенно беспочвенными) в клерикализме.

---

¹О свободе совести и религиозных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06 июля 2016 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сент. 1997 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сент. 1997 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 24.08.2016).

Выходит, что если сегодня Россия и не отказывается от этой своей силы, сыгравшей «особую роль» в истории, то предпочитает ее не использовать, приберегая «на случай»? Думается, что для этого есть веские основания и сложность современной социокультурной ситуации не позволяет сделать какой-либо определенный и, добавим, все же необходимый выбор. Неслучайно в последнее время оживилась дискуссия о формулировании государственной идеологии, хотя такая и противоречит Конституции – основному закону Российской Федерации. Апологеты единой идеологии поспешно заявляют о необходимости внесения в Конституцию поправок, но при этом стоит задуматься: какого рода будут эти правки?

Ведь если верны наши предположения, идеология всегда носит религиозный характер, являясь функциональной стороной конкретной религии (или квазирелигии). Однако Россия сегодня поликонфессиональна, не потеряли в ней силы и атеизм, и сциентизм, и либеральная квазирелигия, и даже советизм [6]. Возможно ли в таких условиях совмещение функциональных сторон столь различных вероисповеданий? Очевидно, что нет: слишком неодинаковы догматические положения. Но вот в аспектах нравственном и культурном вполне возможен поиск компромиссов, достижимых без формулирования гипотетической государственной идеологии, способной внести в общество скорее разлад, чем единение.

Сходство традиционных религий в вопросах нравственности давно подмечено [7], да и квазирелигия советизма на исходе своего могущества выработала «моральный кодекс строителя коммунизма», заимствовавший традиционно-религиозные нравственные положения у иудаизма и христианства. Конкретные результаты стабильного сотрудничества российских представителей ислама и христианства, ведущегося прежде всего в нравственной и воспитательно-образовательной сферах общественной жизни, также широко известны. Поэтому межконфессиональный и общественно-конфессиональный диалог по вопросам нравственности

в современной ситуации сулит положительные перспективы.

Что же касается культуры, то она не является сегодня сугубо конфессиональным феноменом, хотя зачастую и опосредуется еще вероисповеданиями. Культура – общее дело российского народа, и представитель всякой религии может найти в ней для себя достойное применение. Г.П. Федотов, например, сформулировал насущную задачу будущего для христианина: «одухотворение православием технической природы современности» [8, с. 135]. При этом он понимал, что «объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи. Здесь верования не соединяют, а разобщают. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура» [8, с. 137]. В деле духовного возрождения участвуют религиозные организации, культура и государство, причем культура – наиболее сложный элемент, связующий «действие сил духовных с механизмом социальных потребностей» [8, с. 139]. Отсюда следующее: «Задача культурных работников, каждого русского в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русскости”) в сознание российское. Это значит воскресить в нем в какой-то мере духовный облик всех народов России» [8, с. 137].

Таким образом, нравственность и культура являются теми сферами жизнедеятельности российского общества, в которых возможно «идеологическое соглашение» между различными идеологиями как функциональными сторонами традиционных религий и относительно новых квазирелигий. Важным условием для такого соглашения выступает принципиально не деструктивный характер религиозных вероисповеданий, и это условие, на наш взгляд, в современной России в основном соблюдается. Поиск других способов консолидации народных сил, конечно, возможен [9–11], более того, с таким поиском стоит поспешить, поскольку четвертая «опричнина» уже началась, началась «по факту», и насущнейшей задачей современности становится переосмысление мировоззренческих оснований российского

общественного сознания, необходимое для того, чтобы нам всем выстоять в грандиозном идеологическом противостоянии и выйти из него обновленными.

Как отмечалось, целью настоящей статьи являлась лишь постановка философско-исторической проблемы, для адекватного разрешения которой (предполагающего систематизацию исторических фактов, уточнение этноментальных характеристик российского общественного сознания, компаративистский анализ

конкретно-исторических религиозных и идеологических представлений, определение геополитических перспектив современного мира и проч.) требуются усилия исследователей, работающих в различных областях социально-гуманитарного знания. Эти усилия, на наш взгляд, необходимы для обеспечения устойчивого развития российского общества, возможного только в случае сохранения мировоззренческой преемственности общественного сознания.

Список литературы

1. Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 3. Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России. М.: Мартис, 2000. 251 с.
2. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.): коллектив. моногр. / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Полит. энцикл., 2015. 783 с.
3. Лагунов А.А. Религия и идеология как экзистенциальные модусы человека общественного // Соц. и гуманитар. науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV, вып. 3. С. 28–32.
4. Лагунов А.А. Вера, религия, идеология: “исправление имен” // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар–Сочи, 13–15 марта 2017 года. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 285–290.
5. Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское: сб. М.: Ладомир, 2000. С. 251–392.
6. Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. М.: ИФ РАН, 2003. 218 с.
7. Смирнов А.Ю., Лагунов А.А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестн. Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-та. 2011. № 2(27). С. 188–192.
8. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. Статьи 20–30 гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». М.: Мартис, 1998. С. 127–139.
9. Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар–Сочи, 13–15 марта 2017 года. Краснодар: Диапазон-В, 2017. 312 с.
10. Алейникова Л.Г., Эркин А.Ф. Опричнина и модернизация: может ли быть одно без другого в России? // Электрон. науч. журн. «ГосРег»: гос. регулирование обществ. отношений. 2016. № 2(16). С. 2.
11. Иванников И.А. Опричнина: причины, содержание, последствия // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2017. Т. 9, № 3/1. С. 56–61.

References

1. Fedotov G.P. *Sobranie sochineniy T. 3. Svyatoy Filipp, mitropolit Moskovskiy. Prilozhenie: Zhitie i podvigi Filippa, mitropolita Moskovskogo i vseya Rossii* [Collected Works. Vol. 3. Saint Philip, Metropolitan of Moscow. Supplement: The Life and Deeds of Philip, Metropolitan of Moscow and All Russia]. Moscow, 2000. 251 p.
2. Zhuravlev V.V. (ed.). *Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy istorii (konets XVIII v. – 1991 g.)* [Patriotism and Nationalism as Factors of Russian History (Late 18th Century – Year 1991)]. Moscow, 2015. 783 p.

3. Lagunov A.A. *Religiya i ideologiya kak ekzistentsial'nye modusy cheloveka obshchestvennogo* [Religion and Ideology as the Existential Modes of Man Existence]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 28–32.

4. Lagunov A.A. *Vera, religiya, ideologiya: "ispravlenie imen"* [Faith, Religion, Ideology: Rectification of Names]. *Dukhovno-nravstvennye osnovy ideologii rossiyskoy gosudarstvennosti na sovremennom etape* [The Spiritual and Moral Bases of the Ideology of Russian Statehood at the Present Stage]. Krasnodar, 2017, pp. 285–290.

5. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and Profane]. Eliade M. *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol; Svyashchennoe i mirskoe* [Selected Works: The Myth of the Eternal Return; Images and Symbols; Sacred and Profane]. Moscow, 2000, pp. 251–392.

6. Balagushkin E.G. *Problemy morfologicheskogo analiza religiy* [Problems of Morphological Analysis of Religions]. Moscow, 2003. 218 p.

7. Smirnov A.Yu., Lagunov A.A. *Opreделение etnomental'nykh kharakteristik rossiyskogo pravosoznaniya kak aktual'naya problema sotsial'noy filosofii* [Identifying Ethnomentality Characteristics of Russian Legal Consciousness as an Important Issue of Social Philosophy]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 188–192.

8. Fedotov G.P. *Budet li sushchestvovat' Rossiya?* [Will Russia Exist?]. Fedotov G.P. *Sobranie sochineniy. T. 2. Stat'i 20–30 gg. iz zhurnalov "Put", "Pravoslavnyaya mysl" i "Vestnik RKhSD"* [Collected Works. Vol. 2. Articles of 1920s – 1930s from the Journals *Put*, *Pravoslavnyaya mysl*, and *Vestnik RKhSD*]. Moscow, 1998, pp. 127–139.

9. *Dukhovno-nravstvennye osnovy ideologii rossiyskoy gosudarstvennosti na sovremennom etape* [The Spiritual and Moral Bases of the Ideology of Russian Statehood at the Present Stage]. Krasnodar, 2017. 312 p.

10. Aleynikova L.G., Erkin A.F. *Oprichnina i modernizatsiya: mozhet li byt' odno bez drugogo v Rossii?* [Oprichnina and Modernization: Might There Be One Without the Other in Russia?]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "GosReg": gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy*, 2016, no. 2, p. 2.

11. Ivannikov I.A. *Oprichnina: prichiny, sodержanie, posledstviya* [Oprichnina: Causes, Content, Consequences]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl*, 2017, vol. 9, no. 3/1, pp. 56–61.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.150

Aleksey A. Lagunov

North-Caucasus Federal University;
ul. Gagarina 400, Mikhaylovsk, 356240, Stavropol'skiy kray, Russian Federation;
e-mail: emailag@mail.ru

THE FOURTH RUSSIAN "OPRICHNINA": WORLDVIEW CONFRONTATION

The article analyses three periods of accelerated modernization of all aspects of Russian social life (the oprichnina of Ivan the Terrible, the reformation of Peter I and the building of a socialist society). The above periods are similar in the fact that they contributed to the elimination of the political and economic strategy of power elites that was hindering social development. This strategy was based on satisfying the needs of the elites and on the well-founded tradition of boyar "feeding", which later evolved into an all-embracing phenomenon of corruption. In addition, these three "oprichninas" destroyed

---

For citation: Lagunov A.A. The Fourth Russian "Oprichnina": Worldview Confrontation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 150–158. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.150

the former ideological foundations, thus weakening the historically entrenched Orthodox worldview. It should be noted that the first two “oprichninas”, without changing the Orthodox ideology in general, nevertheless prepared public consciousness for its reorientation on a quasi-religious course. The open persecutions on the Orthodox ideology that followed during the Soviet period and the active secularization processes taking place in the world have changed Russian public consciousness so profoundly that it is now problematic to talk about the possibility of creating a unified state ideology; rather, an ideological dialogue is needed about common moral and cultural values. According to the author, Russia today is yet again experiencing “oprichnina”, the fourth in a row, which is standing “oprish” (beyond) the entire world and is at odds with the globally accepted worldviews, which include consumptive attitude towards the world based on the idea that the human mind prevails over nature and has a license to do anything. Therefore, this new “oprichnina”, unlike the previous ones that were predominantly managerial, becomes, in its essence, a worldview oprichnina, and its universal scale cannot be compared with that of Russia.

Keywords: *historiosophy, oprichnina, secularization, symphony of authorities, Orthodoxy, quasi-religions.*

Поступила: 13.12.2017

Принята: 24.05.2018

Received: 13 December 2017

Accepted: 24 May 2018

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Алексеев П.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай);

Анисимов К.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Варава В.В., доктор философских наук, профессор, декан факультета религиоведения Московского православного института святого Иоанна Богослова;

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Дмитриева Н.А., доктор философских наук, профессор, научный директор Academia Kantiana Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград);

Дрегало А.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Егодурова В.М., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия);

Елепова М.Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Канинская Г.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;

Кондратова Г.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Левикова С.И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного педагогического университета;

Лобазова О.Ф., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Российского государственного социального университета (Москва);

Мудров С.Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского высшего военного училища противоздушной обороны;

Невский С.И., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Ненашева Л.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Петров А.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Поздеев В.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров);

Полуэктов А.А., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Репневский А.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Спиридонова Л.А., доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом изучения и издания творчества М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва);

Сухих О.С., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Теребихин Н.М., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и религиоведения, директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Трошина Т.И., доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Тюпа В.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Фесенко Э.Я., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и русского языка филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области;

Хуснулина Р.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Шустов М.П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.